Глава 1

Воскресенье, 19 марта

Дача медленно таяла в воздухе. Исчезали окна, занавески, террасы с разноцветными стёклами, лампы под оранжевыми абажурами. Последним пропал флюгер с маленькой красной птичкой. Кит моргнул — улица как улица, с весенней грязью, льдом, лужами, холодными ручьями. И посреди всего этого — старушка в вишнёвом пальто, которая спокойно стоит и разговаривает по телефону прямо перед участком, который только что просто взял — и растворился в воздухе!

А ведь начался день вполне обычно. Моросил ледяной неторопливый дождь. Кит проснулся рано, в доме все ещё спали. Он быстро позавтракал

и пошёл на почту. Немного поболтал с Маратом и Яникой. На сортировочный пункт сегодня должна была лететь Яника — отвозить письма и посылки, скопившиеся за день, забирать то, что пришло для жителей посёлка. Поэтому Кит отправился разносить письма вместо Харлампыча.

Уже неделю Харлампыч делал вид, что страшно кашляет, и всячески увиливал от работы вне тёплого здания Волшебной почты.

— Ну не люблю я раннюю весну, — ворчал он. — Всю эту воду, которая тает, испаряется, течёт, проникает во все механизмы, мешает их гармоничной и чёткой работе. Ну не нравятся мне раскисшие улицы, ледяные глыбы и снежная каша, вечно промокающие ботинки, насморк, сырость. Да и зачем мне разносить посылки, ездить на велосипеде, пробираться через всё вот это, — Харлампыч делал широкий театральный жест рукой с зажатым в ней гаечным ключом или ржавой пружиной, — если есть кто-то, кто может не ходить по улицам. Ну ладно, это же всего-то на недельку-другую.

Яника сразу отказалась от «всего этого». Сказала, что ей дальше ездить на почту, чем Киту, и что она не будет успевать с уроками. А Кит... Кит согласился.

На Волшебной почте Кит работал два с половиной месяца, с тех пор, как случайно заметил тёмно-

синюю резную дверь, вошёл в неё и разбудил серого Гуся-Лебедя. Кит до сих пор не понимал, как с ним могло произойти такое, но каждый день радовался тому, что у него есть работа и место, куда можно уйти из дома.

Кит вздохнул. Раньше ему никогда не хотелось надолго уходить из дома. Ну то есть не хотелось где-то пропадать и долго не возвращаться. Но сейчас, с приездом тётки Лиды, Тётьлиды, как назвал её когда-то маленький Кит, дома стало как-то не так, неуютно, что ли. Раньше, когда она приезжала, так точно не было. С Тётьлидой всегда приезжала суета, праздник, хохот, всякие дурацкие мелочи. Вообще, Тётьлида приходилась Киту аж троюродной бабушкой, но он как-то давно привык называть её тётей. Она гостила у них раз в несколько лет. Невысокого роста, полная, шумная, она приносилась, как ураган, перегружая квартиру, а теперь большой загородный дом, кучей разноцветных сумок, набитых всякой всячиной. Она красила волосы в оранжевый цвет, любила крупные необычные серьги и носила на верёвочке на шее не только крестик, но и камешек с дыркой. «Мало ли что!»

Когда Кит был младше, он очень любил разбирать вместе с Тётьлидой привезённые богатства. Чего там

только не было: платочки, на которых цвели ярко-красные розы; глиняные зверьки, щедро усыпанные стразами и блёстками; сотни всевозможных вазочек, чашечек, плошечек; рамки для фотографий самых неожиданных расцветок и форм; магнитики на холодильник из стран и мест, в которых ни она, ни Кит никогда не бывали. Всем этим тётка щедро одаривала всех вокруг и очень обижалась, если, приезжая, не видела каких-то из своих подарков, преподнесённых в прошлый раз.

Неделю назад Тётълида приехала снова. У неё были какие-то проблемы со здоровьем, и кто-то посоветовал ей записаться в новый медицинский центр в Москве. Тётълиду разместили на втором этаже дома, в самой большой комнате. Целый день она разгружала сумки, смотрела по телевизору музыкальное шоу, наводила порядок, сетовала, что родители Кита не умеют поддерживать такой хороший дом в правильном виде. Раньше её никогда это не волновало. Потом она повесила новые занавески, потому что старые показались ей недостаточно подходящими, и расстелила на диване леопардовый плед.

Теперь каждое утро Тётълида пила на кухне чай из огромной красной кружки, которую тоже

привезла с собой. Она ругала жизнь, критиковала всё вокруг или рассказывала бесконечные истории про своих знакомых. Истории не повторялись. Знакомых у тётки было бесчисленное множество. Потом она уезжала встречаться с подругами, а вечером снова пила на кухне чай, подробно рассказывая о том, где была, что видела, заодно пересказывая все события и происшествия, о которых она узнала за день. Спорить с ней про что-либо было бесполезно, Тётьлида искренне считала, что только она понимает, что и почему происходит вокруг.

Через несколько дней Кит заметил, что папа стал чуть позже приходить с работы, а у мамы

неожиданно возникли какие-то вечерние занятия и мастер-классы. Кит тоже стал задерживаться на почте. Сначала на час-два. Потом с лёгкостью вызвался разносить письма за Харлампыча. Часть писем, как и раньше, разносил Марат. Где-то шагал по улицам сам, где-то использовал самодельных механических сорок-ворон, которые летали над весенними ручьями и ледяной кашей и опускали письма в почтовые ящики.

Сороки-вороны плохо слушались Кита, поэтому он просто облетал улицы на Гусе-Лебеде.

Они мирно плыли сквозь моросящий дождь над Высоковольтной улицей, когда Кит заметил внизу маленькую яркую фигурку. К этому времени он разнёс все письма и извещения, никуда не торопился, поэтому и стал наблюдать. Сначала Кит подумал, что это из школы торопится какая-то девчонка, но, подлетев ближе, увидел, что это старушка с палочкой, в чёрных ботинках, вишнёвом пальто, вязаной пёстрой шапочке с ушами. Кит знал, что такие носят в Норвегии. У него в детстве была такая же, связанная мамой. Старушка шла быстро, почти бежала по мокрой улице. Она скользила на весеннем льду, оступалась, несколько раз чуть не упала. С Высоковольтной старушка свернула на Проезжую улицу, потом на Ма-

лую Сосновую, потом на Прудовую и снова вышла на Высоковольтную.

«Заблудилась? — подумал Кит. — Она же зачем-то прошла по улицам такой странный круг. Может быть, надо спуститься, догнать её и подсказать, куда идти?» В этой части посёлка Кит хорошо ориентировался.

Старушка снова побрела по Высоковольтной улице, внимательно осматривая все дома вокруг. И вдруг, словно заметив что-то нужное, побежала, указывая палкой на какую-то дачу. Вернее, не указывая, Кит почти сразу понял, что ошибся. Нет, старушка явно спешила дотронуться до серого деревянного забора. За забором, в глубине участка, возвышалась большая зелёная дача стандартной довоенной постройки. Ничего особенного, в посёлке было много таких дач: несколько окошек с частыми переплётами; пара веранд причудливой формы, большие лампы под потолком с оранжевыми или жёлтыми абажурами, заметные даже с улицы; ветхие тюлевые занавески; огромные золотистые сосны вокруг. Над верхней верандой на крыше вращался флюгер с металлической красной птичкой. Но эта дача казалась нарисованной в воздухе, как будто кто-то небрежно наметил её лёгкой,

весенней акварелью поверх тёмных ёлок и тонких берёз. Дача медленно таяла в воздухе. И участок, на котором она стояла, пропадал, растворяясь, утекая в какое-то другое пространство. Старушка подбежала к серому забору, пытаясь дотронуться до него хотя бы палкой, но забор растаял в воздухе. Дача исчезла. Старушка остановилась. Несколько раз постучала палкой по металлическому забору, который оказался на месте того, что пропал. Из-за забора залаяла собака. Старушка отошла подальше, достала из сумки телефон и стала с кем-то разговаривать.

Кит решил, что ему здесь нечего больше делать. Он набрал на дисплее «Обратно на почту». Гусь-Лебедь плавно развернулся и неторопливо полетел сквозь дождь в сторону почты.

На Волшебной почте было тихо и мирно.

У одного окошечка Деметра Ивановна вынимала из сумки многочисленные картонные коробочки. Деметра Ивановна приходила на почту чаще всех, но Кит знал про неё очень мало. Слышал только, что она работает в детском саду, что шьёт небольшие игрушки и брошки, которые продаёт через интернет. Марат считал, что всё это можно

было бы отправлять и самой обычной почтой, Яника не соглашалась, мол, раз это обереги, то и почта нужна волшебная.

Перед Деметрой Ивановной в окошечке сидела Эльвира Игоревна. Эльвира Игоревна была самым старым сотрудником Волшебной почты. Говорили, что она тут начала работать даже раньше, чем София Генриховна Легран, начальница отделения сто тринадцать. Эльвира Игоревна носила старомодные очки, чёрные брюки, пиджаки причудливых расцветок, собирала волосы в пучок и очень нервно реагировала на всяческие происшествия. Для Кита было странным, что именно она сейчас продолжала невозмутимо работать на Волшебной почте, а Мила, добрая тихая Мила, которая раньше была вторым оператором, ушла с почты и теперь скучала в хозяйственном магазинчике у станции.

Казалось, Мила вообще ничего не помнила про Волшебную почту. Она старательно расставляла на полках стиральные порошки и мыльницы, беседовала с покупателями, всегда вежливо здоровалась с Китом, но по её взгляду Киту казалось, что она не особенно помнит, кто он и откуда она его знает.

Друг Милы, Эдуард Омутов, теперь тоже редко заглядывал на почту. Гораздо чаще Кит встречал

его в магазинчике у Милы. Омутов шутил, рассказывал что-то интересное, девушка слушала и даже иногда смеялась, но Кит не видел в её глазах того тепла, которое царило там раньше.

— Нет, — возражал Омутов, — у нас всё как раньше. Почти как раньше. Ну то есть меня она помнит. Это самое главное!

— А тигра?

Фарфорового тигра Кит оживил в прошлом году, на глазах у всей Волшебной почты.

— Тигра — нет. Не помнит. Ну то есть она его вообще не замечает, когда он движется, и ругается, что у меня такой дурацкий фарфоровый тигр сидит в прихожей. Говорит, чёрная пантера была бы изящнее. Поэтому, когда Мила приходит в гости, я переселяю его на чердак. Он там живёт. Топает иногда. Мила говорит, что это домовой. Домовой — это хорошо! Это значит, она уже понемногу начинает вспоминать, что мир — не только новости на экране телефона и скучная повседневная жизнь. В мире столько интересного! — Омутов тяжело вздыхал, покупая кусочек верёвки или тёрку, чтобы показать, что он не просто так зашёл в магазинчик.

И всё равно Киту было очень странно оттого, что именно Мила не удержалась у них.

Месяц назад София Генриховна собрала всех сотрудников почты, чтобы ещё раз повторить им то, что она уже говорила не один раз.

— Напоминаю всем, особенно самым молодым сотрудникам, — она строго посмотрела в сторону Марата, Яники и Кита, — что мы живём в сложные времена. Непредсказуемые. Смутные. Многим людям в такие времена, чтобы выжить, проще занять ту или иную сторону, то есть решить, что они светлые или тёмные, белые или красные, за одного князя или за другого... — София Генриховна осеклась, замолчала, потом невозмутимо продолжила: — Впрочем, про это вам лучше расскажет Златогоров, он у нас историк и даже, гм... доктор наук. В общем, людям проще начать зависеть от чего-то внешнего, а не сохранять спокойствие и внутреннюю независимость. Поэтому вам не стоит лишний раз вступать с кем-то в споры. В такие времена многое меняется не только в мире, но и в обычных посёлках типа нашего. Не стоит думать, что у нас тут ничего не может произойти! Кто-то может легко забыть себя и перестать видеть тёмно-синюю почтовую дверь, да и вообще потерять свои способности. А кто-то, наоборот, под влиянием эмоций или при удачном стечении обстоятельств может прийти к нам...

Кит вспомнил, как первый раз случайно попал на Волшебную почту, как стоял и рассматривал высокие окна, столы с расставленными на них чернильницами. И Тихон Карлович Златогоров, которого упомянула София Генриховна, был тем, кого он увидел самым первым. Златогоров считался самым уважаемым волшебником в Кратове. К нему ходили толпы учеников, которым он иногда давал дурацкие задания, ну то есть дурацкие с точки зрения Кита. Кит поёжился, вспомнив Призрачных Сов. Златогоров носил пышные белые усы и здоровался со всеми в округе, от участкового до уборщицы в магазине. Несмотря на возраст, у него были молодые пронзительные тёмные глаза. Он знал, кажется, всё о древних захоронениях, способах погребения, саркофагах, и его наперебой приглашали на раскопки в самые разные страны мира и на консультации во все известные музеи. Говорили, он всегда точно знал, где именно надо копать, как, на какую глубину. Ещё бы, ведь он был специалистом по неживому... тут Кит ещё раз поёжился, вспомнив завораживающий покой, который шёл от Златогорова.

Дальше София Генриховна говорила всякое умное, из области психологии, что Кит благополучно

прослушал. Запомнил только, что важно не впадать в резонанс со всякими странными новостями, думать про своих близких, вдумчиво заниматься именно своими делами, и что-то там опять про внутреннюю свободу.

Некоторое время он про всё это даже не вспоминал, пока к ним не приехала Тётьлида. После разговора с ней сложно было не впасть в резонанс и прочие колебания. Всё, всё, что она говорила, было не так, это видели Кит и его родители! Родители злились, спорили с Тётьлидой, папа приводил какие-то аргументы, пытался что-то доказывать, кричал, топал ногами, мама иногда просто тихо плакала.

Киту было проще, можно было отмолчаться или, сославшись, что у него дела, кружок и работа, уйти из дома. Но иногда Кит ловил себя на мысли, что лучше бы Тётьлида к ним не приезжала.

У второго окна маялся Семён Евдокимович Карасёв. Семён Евдокимович был ботаником, самым настоящим ботаником, который разводил на своём участке обычные и волшебные растения. Он жил на Седьмой линии, самой странной улице посёлка, которой не было ни на одной карте Кратова и где во всех домах жили люди, приходившие

на Волшебную почту. Участок Карасёва был крайним, рядом с болотистой местностью, заросшей старыми серебряными осинами и ольхой, между которыми текла речка с ржавой торфяной водой.

В окне напротив Карасёва сидела София Генриховна, которой теперь, после ухода Милы, приходилось работать вторым оператором.

— На вас, Семён Евдокимович, почтальоны жалуются. Непорядок! Никто не может в ваш почтовый ящик положить письма, так как у вас там собака из-за забора свешивается...

— Э-э-э-э-э-э, да, завёл я осенью собаку. Глафирой назвал. Глашенькой, значит. Но сейчас сугробы намело, вот она на них забирается и на улицу смотрит. Скучно ей. Вот она голову и свешивает.

— Зубастую, говорят, голову!

— Ну не маленькую же собаченьку заводить, когда живёшь почти на болоте, — Карасёв выпрямился. — Надо соблюдать традиции! Я это, чего пришёл... Мне должна прийти очень важная посылка. Срочная. Такая, что вот нельзя, чтобы она у вас на почте лежала, мало ли что. Не могли бы вы сразу мне её принести? Ну то есть не вы, а кто-то из почтальонов? Я посажу собаку в вольер. Обещаю! И я во всяких там ваших бумажках на получение сразу и распишусь...

— Мы же можем позвонить вам, сказать, что пришла посылка.

— Нет, — Карасёв вздохнул, — у меня сейчас нет телефона. Его Глашенька того... этого... Вообще-то она случайно, просто зубами так клац — и нет телефона. Она же щенок ещё, не понимает, что нельзя так с техникой.

София Генриховна обещала, что, раз так, посылку принесут.

Потом прилетела Яника, и Кит с Маратом рассортировывали посылки, раскладывая их на разные полки в зависимости от адреса.

Кит рассказал, что видел исчезающую дачу.

— То есть она растаяла, когда к ней кто-то попытался приблизиться? — уточнил Марат. — Хорошая магия, если не хочешь, чтобы тебя беспокоили. Ну или как защита от чего-то опасного.

От опасного? Но на дачу не смогла войти всего лишь маленькая старушка.

— Чем же это маленькая старушка может быть так страшна? — удивился Кит.

— Ха! Это ты не видел мою бабку в гневе! Все вокруг замирают и прячутся! — не без гордости заметила Яника. — Тут главное вовремя уйти огородами, не попасться на глаза, пропасть, исчезнуть!

Писем и посылок было немного. Все они были такие, как обычно, только на одной небольшой белоснежной коробке поверх адреса и прочих почтовых меток был нарисован тёмно-красный восклицательный знак.

— Посылка, меняющая цвет! Давно, давно я таких не видела! — София Генриховна внимательно осмотрела коробку, как будто пытаясь увидеть, что там лежит внутри.

— А что это значит? — спросил Кит.

— Посылку надо отдать как можно раньше. Потому что внутри находится что-то, что не может долго храниться, ну или просто сидеть внутри. Вернее, некоторое время может, но недолго...

— А если коробка станет красной?

— Когда коробка станет тёмно-красной, вернее, когда её цвет совпадёт с цветом нарисованного на ней знака, посылку, согласно инструкции, нужно открыть в присутствии нескольких сотрудников почты. И уже потом отдать адресату то, что прислали. Или, если он откажется, решать по обстоятельствам или отвозить в Центр недоставленных посылок.

— А что посылают таким странным образом? — заинтересовался Марат.

— Разное, — София Генриховна ещё раз осмотрела коробку. — Пироги, которые могут испортиться; скатерти, которые нужны вот сегодня; важные документы, которые могут перестать быть важными; секретные рецепты, которые выцветают; несколько раз растения посылали для Карасёва; иногда посылают что-то такое, о чём лучше не знать посторонним...

— Ага, — вмешалась Эльвира Игоревна, — помните, какую-то африканскую змеюку послали? С крыльями, как у стрекозы! Мы коробку вскрыли, а она ка-а-а-а-ак выползла, лежит на полу, шипит, потом всеми крыльями ка-а-а-а-ак зашуршала! И взлетела под потолок! Висит там, лапки болтаются, — и шелестит! Ужасный, ужасный был звук!

Эльвира Игоревна вздрогнула.

— Да, всякое бывает, — София Генриховна выписала извещение на получение посылки и отдала Киту. — Завтра утром в первую очередь отнесите его!

Кит посмотрел на адрес. «Зелёная дача на Спортивной улице, рядом с Кольцевой». Имени получателя не было. За два месяца работы на Волшебной почте он привык к таким странным адресам и уже не удивлялся, что тот, кто отправлял письмо или посылал что-то, мог написать старый адрес, которого

уже давно не существовало: например, улицу переименовали и вообще многое на ней могло поменяться. Так было и сейчас. Улица, на которую пришла посылка, давно называлась по-другому, просто Кит жил неподалёку, поэтому знал старое название.

Кит ещё раз чуть приподнял коробку. Коробка была тяжёлой.

Кит улыбнулся. Хорошая у него работа! Интересная!

— Обязательно занесу!

Домой Кит ехал на электричке, идти под тёмным ночным дождём не хотелось. Дождь возникал из темноты и падал, падал на серый лёд, на постаревших снеговиков, на покосившиеся сугробы, понемногу растворяя их и утекая вместе с ними чёрными ночными ручейками к маленьким звонким речкам. Кит немного послонялся по платформе, посмотрел на новые рисунки и надписи. Одни Киту нравились, другие нет. Рисунки и надписи стали появляться на платформе давно. На этот раз его заинтересовал новый рисунок: маленькая птичка, нарисованная разноцветными мелками.

Когда Кит пришёл, Тётьлида сидела на кухне и спорила с родителями:

— А я говорю, непонятно где он вечерами болтается! Вон уже как поздно, а его всё нет!

— Да работу он нашёл где-то, — басил папа.

— Где?

— То ли на почте, то ли в магазинчике какомто, — уклончиво отвечал папа, уже закалившийся за несколько дней в дискуссиях с Тётьлидой.

— То есть вы даже не знаете, где именно! — торжествующе подвела итог Тётьлида. — Я вчера зашла в его комнату, там же ужас что творится! Это дикие джунгли, свалка забытых вещей на другой планете, дом отдыха после урагана...

— Обычная комната мальчика, — тихонько вставила мама.

— Ужас, просто ужас! А как он учится в школе? Как?

— Хорошо учится! — голос мамы стал увереннее.

Кит действительно учился нормально — пятёрки, четвёрки, придраться было не к чему. Мама продолжала:

— Сейчас же как, знаете? Слышали, что у них нет бумажных дневников?

— Как так?

Мама, заметив, что Тётьлиду можно временно отвлечь от сына чем-то ещё, увлечённо рассказывала:

— Да, всё, всё теперь в электронной форме! И уроки пишут на сайте, и оценки, и замечания, и можно в чате с другими родителями переписываться или с классным руководителем...

— О, с классным руководителем — это удобно!

— Но, представляете, система ещё не отлажена, и иногда раз — и невозможно войти, — Кит представил себе, как на этих словах мама всплеснула руками и сделала страшные глаза.

Потом бесшумно прокрался к себе в комнату.

Комната как комната, самая обычная. Ну учебники лежат не только на столе, но и на подоконнике, носки валяются, штук семь разноцветных, майка, бутылка из-под газировки. Кит всё подобрал и положил более-менее аккуратно.

Но настроение уже было не таким радостным, как тогда, когда он уходил с почты.